

ПРОЛЕТАРИИ, ГРУДЫ СВОИ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР.
Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина,
В. Лебедева-Кумача, М. Лишицы, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 10 (861)

22 февраля 1940 г., четверг

Цена 30 коп.

Славная годовщина

Богдан в эти первомайских или октябрьских торжествах Рабоче-Крестьянская Красная Армия демонстрирует перед народом силу бойца и мощь техники, — сердце каждого трущегося наполняется законной гордостью. Всем еще памятны первые регулярные части армии революции, никто не забыл о том, как маленькие, разрозненные отряды разных и разных людей собирались под боевыми знаменами партии Ленина—Сталина, чтобы отразить беспеченные удары белогвардейцев и интервентов, ссыпавшихся со всех сторон. И вот теперь народ видит новую армию, армию страны социализма, армию, вооруженную сталинской военной стратегией, оснащенную самыми новейшими и совершенными вооружениями, состоящую из сознательных людей, безгранично любящих свою родину.

В дни таких демонстраций каждый советский человек, глядя на проходившие мимо него войска, кумал: «Я могу быть спокойен за настоящее и будущее моей родины. С такой армии никто нам не страшен».

И действительно, за время, прошедшее после разгрома интервентов и белогвардейцев, воинам социализма не раз приходилось обнажать свою мечу, чтобы отразить провокации врагов нашей страны. И неизменно советский народ, убеждался в том, что он надежен на силу бойцов и оружие Красной Армии не напрасны, что никакому врагу не устоять перед «воропиловскими кипломатами», перед «бурией и ватником вооруженных советских людей».

В истории военных сражений особое место занимает страницы о битве на озере Хасан. Там будет описан волнивший эпизод сопротивления маленькой горсточки красноармейцев — одиннадцати человек — целому батальону пехоты. Там будет рассказано, как эти одиннадцати человека, в течение целого дня охраняли рубежи советской земли от патакса во много раз превосходящих сил противника и как этот маленький батальон разгромил выступки, поддержки. Ярким примером тому служит случай с капитаном Трусовским, специально опустившимся на вражескую территорию, чтобы спасти трех своих товарищей, павших с подбитым самолетом в окружение озверивших врагов. Рискуя своей жизнью, летчик снизился, разместил в самолете товарищей и подвыстрелил белофиннов, поднявшись в воздух, унося на родную землю стаинских соколов. Вот пример слаяния, храбрости и отваги!

Какова природа герояизма советских бойцов? Ответ может быть только один: моральные качества советского бойца определяются морально-политическим единством всего советского народа вокруг партии и правительства. Это морально-политическое единство ковалось многие годы, и именно оно обеспечивает нам успешное строительство нового общества, где существуют новые понятия морали, чести, нравственности, любви и ненависти, гуманизма человечности. Это морально-политическое единство создал Сталин, имя которого и есть символом передышкой сплошности всего нашего народа.

Советская литература встречает ХХII годовщину Красной Армии и Флота не в обычных условиях. Писатели побывали в монгольских степях, и на полях Западной Украины и Западной Белоруссии, они работают теперь в финских лесах, рядом с воинами армии. Для советских литераторов — это огромная школа жизни. Они наблюдают особые черты наших бойцов, они видят сталинскую военную стратегию в действии, они чувствуют себя не только литераторами, но гражданами, которые несут ответственность за судьбы народа, за судьбы страны, за судьбы мира. Несмотря на то, что затасные мечты стали реальностью, а панская, шляхетская Польша содержала отрокий, многомиллионный аппарат угнетения, который жестоко унижал все помыслы о лучшем будущем. И вот понадобилось лишь несколько дней для того, чтобы затасные мечты стали реальностью, а панская, шляхетская Польша рухнула, погребая под собой на освобожденной Красной Армии землю капиталистического произвола, вечный страх перед «сильным миром сего», зоологическую национальную вражду, инцепту, безработицу эксплуатацию.

Двадцать вторую годовщину Красной Армии и Военно-Морского Флота советская страна празднует в условиях, когда вновь обнажены клиники, и весь мир напряженно следит за победами советского военного искусства. На город Ленин — колыбель пролетарской революции — наемные финские волки направили жерла импортных орудий. Крупнейшие империалисты мира избрали Финляндию плацдармом для нападения на единственный в мире страну социализма. Они создали здесь мощную линию укреплений, они сковали землю бетоном и гранитом, решив, что теперь им можно наладить на СССР и никто не сможет пробить эти укрепления. У себя, на западном фронте, в страхе перед мощными укреплениями, они не смели сделать ни одного шага вперед, и они думали, что наша страна будет также молчать. Но они просчитались и на сей раз.

Товарищи Сталин вместе с Лениным создали и выдали нашу Красную Армии и Военно-Морской Флот. На самых опасных и решающих участках фронта, в годы гражданской войны, неизменно оказывались товарищи Сталин, своей железной рукой организуя победу. Товарищи Сталин принаследствуют плану разгрома армии Деникина, самого сильного из белогвардейских генералов, вдохновляемого воображением империалистов Запада. План разгрома Деникина был создан, вопреки предательским действиям врагов, и он был блестящим. Сталин разработал и дал ее постобойной. Об этих ее качествах, как говорил товарищ Сталин, «сумчат когда-либо буржуа всех стран, если они решатся на нее наше страну». Но они увидали тогда, что наша Красная Армия воспитывалась в духе интернационализма. Эти особенности делали ее неубиваемой. В этом ее качествах, как говорил товарищ Сталин, «сумчат когда-либо буржуа всех стран, если они решатся на нее наше страну». Но они увидали тогда, что наша Красная Армия воспитывалась в духе интернационализма, имеет беспримечательное количество трех и четырехзвенных звезд на всех частях мира, от Шанхая до Нью-Йорка, от Лондона до Калькутты».

Три особенности отличают нашу Красную Армии. Наша Красная Армия составляет одно целое с народом. Наша армия выражает интересы всех народов, населяющих Советский Союз. Наша армия воспитана в духе интернационализма. Эти особенности делают ее неубиваемой. Об этих ее качествах, как говорил товарищ Сталин, «сумчат когда-либо буржуа всех стран, если они решатся на нее наше страну». Но они увидали тогда, что наша Красная Армия воспитывалась в духе интернационализма, имеет беспримечательное количество трех и четырехзвенных звезд на всех частях мира, от Шанхая до Нью-Йорка, от Лондона до Калькутты».

В этих боях, которые много раз еще будут описывать и военные историки и писатели, скажутся особые, исключительные черты бойцов Красной Армии. Пожале всего, неиссякаемая любовь к родине, постоянная готовность пожертвовать собой ради нее. Красная Армия — это

ДЖАМБУЛ

Батыр в стальной шубе

Героям моей родины, защитникам города Ташкента, осаждавшем финского города, бойцам Ленинградского военного округа и морикам Краснознаменным Балтийским послано эту песню.

В солнечной юрте слагал я не раз Смелым батырам свой песенный сказ, Славил я вас, молодые сыны, Пламенной силой горячей струны, Соколом сердце пускал я полет, Родина — мать, вам, отец ваш — народ! Пусть же в походах, в победных боях С вами проносится песня моя, Пусть эта песня седого левца, В лютые выгоны согреет бойца. Песня моя песня в атаку летит. Колет, как штык, и, как пуль, разит.

Смелым народом героя-смысла В стаинский век для побед рожден. Разде им будут в походах страшны Грозы, морозы и вихри войны? Вижу я гордый орлиный полет, Вижу я — сын оседлал самолет, Крылья расправил и в грозной пурге Мчит на врага, как батыр Едыге, Родину он золотую хранил, Насмэрт налетчиков сокол разит, Бомбами норы звериные раст, Танками горы крутые берега.

Птицы стальные под небом гудят, Крылья, как склоны Алтая, блестят, Мира просторы — синявые посты, Мужество смелых — синамы колыбель. Грозный мотор им — игрушка в руках. А из головы сынов — облака,

Он вихреет отвага мир —

В шубу стальную одетый батыр.

Он не боится разбоя пурги.

В страхе бегут от героя враги, Саблезубый батыр валуны рассечет, Пникой до самой луны достает.

Любят героев родная земля, И на любимцев своих из Кремля Сам полководец великийглядит, Он, наядевшая шинель, говорит:

— Слышишь ли, родина, радость моя, Стал орлами твои сыновья!

С именем Сталина в смелом бою Славу батыров нахолят свою.

Всю над ними, как солнечный свет, Гордое красное знамя побед!

Знаю я бурю в боях на Хасан:

Ливнем свинцовых леги небеса, Тучи не туши по небу позлы —

Это летели сынов корабля.

Дождь шел, не дождь. Из густых облаков

Пули сынов поливали врагов, Знаю я, буря вторая была,

Грозная сила на Запад пошла,

С братьев по крови оковы сняла,

Панские тюрьмы, законы смела,

Помятые батыров помешки и пан

И самурай, что шли на Хасан..

Там, где Балтийское море шумит, Ленинград город могучий стоит.

Он — украшенье отчизны моей,

Радостный город моих сыновей,

Выдиг за город и дальше взгляни —

Там не сняты в тумане огни.

Дремлют в молчанье медведи леса, Ступят озера, темны небеса,

Враг, пробираясь таежной тропой,

Выполз оттуда студеной порой.

Солнечный город поджечь он хотел,

Руку с огнем прятнуть он посмел.

Море хлестнуло волной в берега,

Сын мой батыр опрокинул врага,

Сын мой отправился в гневный поход

За Ленинград и за финский народ.

Знаю, собаки за морем скуют,

Знаю, сороки за морем трещат.

Им не поможет ни лай, ни обман,

Лают собаки — идет караван,

Наш караван — и победа за них,

Наш караван — он народом любим,

Наш караван — и его корабли —

Сила и слава советской земли!

Красные звезды на шлемах горят

У сыновей моих — красных орлят,

Им не страшны ни мороз, ни война.

Смели батыры! Слойкона страна,

Город спокойен, спокоен аул,

Песнь спокойно слагает Джамбул,

Славя отважных аксеров сынов.

И полководцев их — большевиков,

Сталина славя — он знамя победы,

С ним никогда отступления нет.

С именем Сталина бьется за мир

В шубу стальную одетый батыр!

Перевод Павла Кузнецова.

ВО СЛАВУ РОДИНЫ

Ленинградское отделение государственного издательства «Художественная литература» выпустило ко дню ХХII годовщины РККА сборник стихов и песен о Красной Армии и Военно-Морском Флоте — «Во славу родины».

В этом сборнике, составленном И. Пинским, вошло около стихотворений, большинство посвященных событиям последних лет — боям у озера Хасан, освободительном походу Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину.

Сознание этой ответственности скажется на книгах о том, как советский народ сражался за свою независимость.

Литературный вечер, посвященный «Джамбулу»

Состоится в пятницу 10 февраля в 19.00 в зале театра «Драма».

Вечер, посвященный «Джамбулу»

Состоится в пятницу 10 февраля в 19.00 в зале театра «Драма».

Вечер, посвященный «Джамбулу»

Состоится в пятницу 10 февраля в 19.00 в зале театра «Драма».

Вечер, посвященный «Джамбулу»

Состоится в пятницу 10 февраля в 19.00 в зале театра «Драма».

Вечер, посвященный «Джамбулу»

Состоится в пятницу 10 февраля в 19.00 в зале театра «Драма».

Вечер, посвященный «Джамбулу»

Состоится в пятницу 10 февраля в 19.00 в зале театра «Драма».

Вечер, посвященный «Джамбулу»

Состоится в пятницу 10 февраля в 19.00 в зале театра «Драма».

Вечер, посвященный «Джамбулу»

Состоится в пятницу 10 февраля в 19.00 в зале театра «Драма».

Вечер, посвященный «Джамбулу»

Состоится в пятницу 10 февраля в 19.00 в зале театра «Драма».

Вечер, посвященный «Джамбулу»

Состоится в пятницу 10 февраля в 19.00 в зале театра «Драма».

Вечер, посвященный «Джамбулу»

<p

Авиация и литература

Если бы собрать все стихи, какие написаны о Марине Расковой, получилась бы огромная книга. Повсюду замечательной летицы воспели десятки поэтов, русских, украинских, белорусских, грузинских, армянских, азербайджанских, казахских, узбекских, и проч., и проч.

Необъятна литература о Чкалове. Водянишев, Гризодубовой, Осипенко, Громове, Бокински, Молокове, Слепневе, Юмашеве.

Даже дети, на всем протяжении Соловья — от Артека до Арктики — создают миллионы стихов об этих легендарных героях.

Когда Чкалов, Байдуков и Беляков перелетели через Северный полюс в Америку, я жил в Петергофе и вел литературный кружок в одном пионерском лагере. В этот кружок входили школьники восьмых, девятых, десятых классов. Их было тридцать плюс человека. И все тринадцать из них, не говоря о том, что принесли мне в ближайший же день 32 стихотворения о Чкалове, Байдукове и Белякове.

Это было естественно: не могли же молодые поэты не отразить в своем творчестве единственный тогдашний тему всех наших разговоров и мыслей.

И сколько писалось в настоящее время стихов — о горюхах с белофизами, о Раконе, Борисове, Крохалеве...

Для нас это стало привычным. Мы и представить себе не можем такого беззарядного времени, когда в литературе царило бы гробовое равнодушие к авиации, в самолетам, и к летчикам. Между тем, такое время было, и я хорошо его помню. Еще только возникла авиация, многие из тогдашних писателей стали щеголять даже не равнодушием, а полным презрением к этому долгожданному чуду.

Поэт Константина Фофанова, вместо восгорянных ох, встретил авиаторов такими словами:

О, мне затея эти жалки,
Смешны восторги людских сердец:
На их лягушке пальки
Глядят с улыбкою Творец.

Творец с большой буквы — бог. Он, поутверждению поэта, издавалась над нашими восторгами, потому что все эти «лещающие пальки», как бы высоко они ни

К. ЧУКОВСКИЙ

взлетали, все равно не могут достичь иного, до его небесных высот.

Точно так же воспринимал авиацию и аэлестант тогдашних дум Леонид Андреев. Один из его любимых героев говорил: «Воздушный полет в пределах нашей земной атмосферы ничего не изменит в нашем стремлении к безграничному полету, и бесподобность его сделает его еще более мучительными».

Полет авиатора постоянно был сравниваем... полетом религиозной души в бесконечность.

Словом, нигде, ни в одной стране, авиація не была встречена литераторами так пренебрежительно, сумрачно, с такой бесподобной тоской.

Да и сама авиация была

шлась к самолету в то время с такими вопросами:

Как ты можешь летать и кружиться без любви, без души, без лица?

О, стальная, бесстрастная птица?

Чем ты можешь прославлять творца?

Без любви, без души, без лица?

Словом, никак, с такой бесподобной тоской.

Да и сама авиация была

в то время тоскливая, сумрачная. В одном из старых журнальных недавно отысканых фото: стоит с убитыми лицами десятка полтора чрезвычайно печальных и хмурых мужчин. Это — группа авиаторов, принимавших участие в перелете Петербург — Москва». Подпись под этим горестным снимком такая:

«Сидят. Слюсаренко (потерпел крушение у села Славянки). Сам сердце ранен, его пассажир Шиманский убит. Лердо (потерпел крушение около Новгорода. Получил серьезное ранение головы). Масленников (потерпел крушение около Тосно. Летчик упал около Крестов). Уточина (упал около Крестов, получил серьезные ранения)»...

и т. д., и т. д., и т. д.

Это были герои, достойные всенародной славы. Но людям столыпинской Российской империи их появления были неведомы: не существовало ни радио, ни деревенского кино, ни тысяч и тысячи районных газет, какие существуют теперь. Общественность, парализованная бюрократическим строем, никакой поддержки не могла оказать этим храбрецам-одиночкам.

Литература — правда не вся, во всякой части, о которой я сейчас говорю, — со своим метафизическим вершиной высокомерно взирала на всякие заявления техники,

в том числе и на «летающие пальки».

Русская авиация вынесла на своих плечах лишь несколько энтузиастов.

Теперь, когда, созданная творческим энтузиазмом народ, она стала первой в мире сокрушительной силой, когда советский народ устами своих многоязычных поэтов прославляет новые и новые подвиги летчиков, следовало бы вспомнить о том, что в нашей литературе о летчиках, несмотря на ее богатство, все еще нет ни одной эпопеи, которая по своему качеству могла бы сравниться с деяниями воспевающих ее людей.

И не нужно думать, что подобные мысли высказывались где-нибудь на периферии литературы. Нет, даже один из лучших поэтов эпохи Александр Блок обращался

■ ■ ■

Н. ТИХОНОВ

Письма

В письмах, найденных у пленных убитых белофинов, за каждой строкой, написанной для маскировки от полозорительного взгляда военного цензора, сквозят строки такого отчаяния, пущены в беспоходности, такого гнета, такого издевательства Финляндии, что становится ясно: так дальше жить финским народу не будет.

Шлюцкоровцы выпустили открытку для поднятия воинского духа. Невеста шлюцкора прислала эту открытку своему женниху. На нее изображен памятник парку, стоящий в училище кадетского парка. Над памятником в облаках поется Финн воинов разных эпох, которые, повидимому, живут в форме в своем среду заставившегося на земле шлюцкора. У памятника, как плачущая ива, стоит девочка, возлагающая венок на его будущую могилу.

Других двух адресатов мы назовем так: его, скажем, зовут Айно, ее, скажем, Эйла. Жили они в небольшом городе. Он работал самовольно, она работала кондитеркой. Они полюбили друг друга и сошлились. Но тут всталась страшная проблема: А согласие семьи, а обеспечение, а признание, а деньги на устройство свадьбы, а деньги на всякие волокиты с бумагами.

Пока они пытались разобраться в таких сложных необходимостях, разбойничье правительство Каллио — Маннергейм решил покорить Советский Союз. Трудновыполнимый Айно понадобился для похода на Урал.

Айно оказался на фронте, куда Эйла прислала ему мрачное письмо: она беременна, и жизни ей больше нет. Ее выгоняют со службы, ее выгоняют из дома, если узнает отец, что она, неизвестно от кого, без брака пригнула ребенка. И насторожится ли Айно мужество написать ей, подтвердить, что ребенок его.

Айно, удививший, что до Урала так же далеко, как до луны, посоветовалось со своим сержантом. Ему говорили, что тот должен знать все о солдате. И сержант, опытный в этих дела, дал адрес, где можно сделать на неморскую плату аборта. Эйла отчаянно ответила, что делать аборт — позорно. Тогда он взял лист бумаги и написал, что любит ее до гробовой доски и что разделась со своим ребенку и, как только начнется война, он с ней покончится.

Она писала в ответ, что выдернула жуткие сцены обжигания с матерью и отцом, что они требуют, во-первых, чтобы он официально присягал доверенность на оглашение в поповской канцелярии его заявления о согласии на брак, а во-вторых, денег на все связанные с этим расходы.

Белый Айно собрал все присутствующих луха и обратился за помощью к тем благотворительным обществам, которые взялись помочь семье привозимых. Эти общества ответили, точно говорились, одновременным отказом, да еще один отказ со проводился назиданием «разорванному» молому человеку.

Но Эйла была уже рада, что он хоть согласился принять ребенка, и написала, пусть он попросит офицера отпустить его, чтобы только пожениться, иначе наше поклонение пальцами.

Она просила быть вспомогательной

силой в борьбе с беспоходностью

и беспо

Поэма о Башкирии

В. НЕЙШТАДТ.

«Дорога в Бикзян» — так называется поэма Александра Ромма. Но замыслу она довольно скромна. В ней две фабулы, смытые с двумя историческими эпохами: судьба башкирского мальчика, батрака Кельмета, примикившего к восстанию Пугачева, и судьба башкирского мальчика, батрака Кельмета, примикившего к пролетарской революции. Эти две судьбы, разделенные полутора веками, фабулы между собой не связаны, но соединены диалектикой истории, показать которую в лирическом преломлении и входит, как я понимаю, в замысел поэта.

Судьба Кельмета, примикившего к восстанию Пугачева, закончилась трагически:

Взяли его, молодого,
молодой батрака его взяли.
Связали его, молодого,
привезли на родной Узан.

Две бремя на плечу припали —
стямы на плечу, торкком.
Положили на них перекладину
с деревней, с железным крюком.

Засекается вольный свист,
по лесам барабоет лист,
летучий лист золотой
на реке, на воде голубой...

...и плывет, качаясь, Кельмет...

Так связывается в поэме старое с новым. Начинает свой путь второй Кельмет, наследник дороги в Бикзян — юного революционера.

Такова, повторю, сложная, но интересная композиция поэмы. Надо заметить, что сложность эта постигается только аналитически, непосредственно же, при чтении поэмы, все кажется очень просто. Этим ведь и отличается подлинное мастерство.

Стихи поэмы, как замечено уже вскоре, очень хороши и порой достигают большой силы и образности.

Но все же поэту нужно сделать управление: в некоторых местах он в поисках простоты доходит до излишнего упрощения, и такая «простота» звучит порою даже маурно.

К примеру, описание реки в главе 9. Пожалуй, вся эта главка является наиболее слабым местом поэмы.

Он должен помочь бедного, он должен ее поднять, чтоб жить ей хорошо, чтоб не работать на базе.

Он должен заводу помочь, он должен хлеба доставать...

Это, конечно, не поэзия, а набор агитационных лозунгов.

Большую выразительность поэме придает насыщенность ее башкирским фольклором. Поэт взял башкирскую народную песню не из книг. Он пережил, перетерпевал ее во время своих странствий по Башкирии. Это отразилось хотя бы в выразительных строках, где описывается пастор, играющий на курусе:

...И темном изумруде
в каплюочной росы,
играй в зрачках застыших
невидимых кудряв...

И временно полно веет
плач его, в кровь западая,
от пламени развеет
его борода седая.

И губы дрожат, припадая
к кулочке камышиной,
и катится степь, и гоша, и
лыса на горькой кущиной...

С такой же лирической вдохновенностью раскрыта в поэме вся Башкирия...

*

«Дорога в Бикзян» издана отдельной книжкой в Уфе. Очень хорошо, что Башкого издал эту поэму.

Однако внешний вид книжки находит на грустные размышления. Более безобразного издания не приходилось видеть. Страницы на страницах стоят криво. Обрезана книжка краем. Ряд страниц вырван и переклеен (честно, были ошибки, которых осталось все же достаточно). Вскрыты сделаны небрежно: перепутаны, выпадают. Короче говоря: брак. Можно ли так издавать поэтическую книжку, да еще к 20-летию оренбургской Башкирии, как указало на первой странице!

Степан ЩИПАЧЕВ РУДА

Хребет горы — седой во мгле.
Реку скала к скале прижала.
И столько, сколько лет земле,
внутри горы руда лежала.

Ее судьба была темна,
но горняки руду достали,—
и стала танками она
со звездами на серой стали.

Идем по северной земле
за правоту народной власти.
Танкисты руки жмут в Кремле
и награждают бронечисти.

Руда живет. Дымится след.
Зачем бы под землей, во мраке,
лежать ей миллионы лет,
когда не два часа атаки?

Антология армянской литературы

А. М. Горький в апреле 1936 г. в особом письме приветствовал мысль об издании антологии армянской поэзии. В настоящее время это издание близко к осуществлению. Антология подготовлена и слана в печать издательством «Художественная литература».

Антология охватывает 1000-летний путь развития армянской поэзии от древнейших времен до наших дней. Она состоит из пяти частей.

Первая часть антологии посвящена народной поэзии — эпосу и лирике. Раздел эпоса открывается древнейшими эпическими песнями «Рождение Ваганя» и другими, и заканчивается отрывками из эпоса «Давид Сасунский». Среди народной лирики наибольшее место предоставлено поэзии о любви, стихи на социально-трудовые мотивы, сатирические и т. д.

Вторая часть антологии, состоящая из древней и средневековой поэзии, открывается Мироном Манцогом. Средневековая поэзия представлена Фриком, Константином Ерзяници, Ованесом Тулукяном, Григорием Ахогарцом, Наалетом Кучаком.

Поэзия антигузов составляет третью часть антологии. Здесь особенно широко представлены Саят-Нова.

Четвертая часть антологии — поэзия нового времени. Ее открывают поэты Арутюн Аламдари, Карапет Абовян и Миака Нанбилья, значительное место отведено Ованесу Туманину. В этой части антологии помещены и некоторые советские поэты, творчество которых охватывает до и послереволюционный период — А. Акопян, Аветик Исаакян и Дереник Демирян.

Последняя, пятая часть антологии — советская поэзия. Она обнимает стихи советских поэтов, современный фольклор и песни антигузов.

В антологии широко использованы прежние переводы армянских поэтов из биосовской антологии «Пoэзия Армении», издания 1916 г., и сборника «Армянские муз», вышедшего в Москве в 1907 г. под редакцией Ю. Веселовского и Е. Холотника.

Вступительный очерк истории развития армянской поэзии помещен в конце антологии биография поэтов написана Суреном Арутюняном. В конце книги дан также словарь недепрессивных армянских слов и встречающихся в текстах собственных имен и биографических изразий, составленный проф. И. Кусикяном.

«Дорога в Бикзян» издана отдельной книжкой в Уфе. Очень хорошо, что Башкого издал эту поэму.

Однако внешний вид книжки находит на грустные размышления. Более безобразного издания не приходилось видеть. Страницы на страницах стоят криво. Обрезана книжка краем. Ряд страниц вырван и переклеен (честно, были ошибки, которых осталось все же достаточно). Вскрыты сделаны небрежно: перепутаны, выпадают. Короче говоря: брак.

Можно ли так издавать поэтическую книжку, да еще к 20-летию оренбургской Башкирии, как указало на первой странице!

Так называется недавно вышедшая в Учпедгизе книга литературоведа Б. В. Михайловского, охватывающая период развития русской литературы, начиная с 80-х годов XIX века до 1917 года.

Подробно останавливаясь на творчестве отдельных писателей, автор вместе с тем освещает их личные процессы и литературные течения, характерные для всей европейской литературы этого периода.

* См. «Новогодние заметки». «Лит. газета», № 2, 1940 г.

В качестве образца он приводит статью о поэте Б. В. Михайловском, начиная с его отца, начиная с мальчишки Коли, которого отец усыновил. Таня убеждает сама себя в том, что она ненавидит. В действительности тут большие ошибки, и неизвестна, мать занята своей работой, — как часто Таня оставалась одна хозяином своего дома и детей. Но только она одна знала, как эта свобода тяготила ее.

Мысли об отце притягивают Таня больно. Случайный разговор Таня с Филькой о ее отце — один из лучших эпизодов в повести. Таня, ее раздражая и отчуждая, приходит к выволоке Таня, понимая, что ее проклятия неприязнь к отцу и Коле была глубоким чувством обремененного семейным счастьем ребенка, что отец и Коля — совсем нехорошие люди.

Но не вправе ли мы сказать, что у нас нет и не может быть фаталистического отчуждения в вопросах любви. Прекрасные заглавия повести, нам предстающие, что основная ее тема не столько «порвавшая любовь», сколько семья.

В фильме чувства спрятаны и затушены, Таня после летних каникул возвращается школу: «дверь была открыта всеми ногами». Оттуда Таня возвращается в отчужденную Таня, ее раздражая и отчуждая, спрятаны прежде всего с этим фактом: у девочки нет семьи. Отец — далек и неизвестен, мать занятая своей работой, — как часто Таня оставалась одна хозяином своего дома и детей. Но только она одна знала, как эта свобода тяготила ее.

Мысли об отце притягивают Таня больно. Случайный разговор Таня с Филькой о ее отце — один из лучших эпизодов в повести. Таня, ее раздражая и отчуждая, приходит к выволоке Таня, понимая, что ее проклятия неприязнь к отцу и Коле была глубоким чувством обремененного семейным счастьем ребенка, что отец и Коля — совсем нехорошие люди.

Но не вправе ли мы сказать, что у нас нет и не может быть фаталистического отчуждения в вопросах любви. Прекрасные заглавия повести, нам предстающие, что основная ее тема не столько «порвавшая любовь», сколько семья.

В фильме чувства спрятаны и затушены, Таня после летних каникул возвращается школу: «дверь была открыта всеми ногами». Оттуда Таня возвращается в отчужденную Таня, ее раздражая и отчуждая, спрятаны прежде всего с этим фактом: у девочки нет семьи. Отец — далек и неизвестен, мать занятая своей работой, — как часто Таня оставалась одна хозяином своего дома и детей. Но только она одна знала, как эта свобода тяготила ее.

Мысли об отце притягивают Таня больно. Случайный разговор Таня с Филькой о ее отце — один из лучших эпизодов в повести. Таня, ее раздражая и отчуждая, приходит к выволоке Таня, понимая, что ее проклятия неприязнь к отцу и Коле была глубоким чувством обремененного семейным счастьем ребенка, что отец и Коля — совсем нехорошие люди.

Но не вправе ли мы сказать, что у нас нет и не может быть фаталистического отчуждения в вопросах любви. Прекрасные заглавия повести, нам предстающие, что основная ее тема не столько «порвавшая любовь», сколько семья.

В фильме чувства спрятаны и затушены, Таня после летних каникул возвращается школу: «дверь была открыта всеми ногами». Оттуда Таня возвращается в отчужденную Таня, ее раздражая и отчуждая, спрятаны прежде всего с этим фактом: у девочки нет семьи. Отец — далек и неизвестен, мать занятая своей работой, — как часто Таня оставалась одна хозяином своего дома и детей. Но только она одна знала, как эта свобода тяготила ее.

Мысли об отце притягивают Таня больно. Случайный разговор Таня с Филькой о ее отце — один из лучших эпизодов в повести. Таня, ее раздражая и отчуждая, приходит к выволоке Таня, понимая, что ее проклятия неприязнь к отцу и Коле была глубоким чувством обремененного семейным счастьем ребенка, что отец и Коля — совсем нехорошие люди.

Но не вправе ли мы сказать, что у нас нет и не может быть фаталистического отчуждения в вопросах любви. Прекрасные заглавия повести, нам предстающие, что основная ее тема не столько «порвавшая любовь», сколько семья.

В фильме чувства спрятаны и затушены, Таня после летних каникул возвращается школу: «дверь была открыта всеми ногами». Оттуда Таня возвращается в отчужденную Таня, ее раздражая и отчуждая, спрятаны прежде всего с этим фактом: у девочки нет семьи. Отец — далек и неизвестен, мать занятая своей работой, — как часто Таня оставалась одна хозяином своего дома и детей. Но только она одна знала, как эта свобода тяготила ее.

Мысли об отце притягивают Таня больно. Случайный разговор Таня с Филькой о ее отце — один из лучших эпизодов в повести. Таня, ее раздражая и отчуждая, приходит к выволоке Таня, понимая, что ее проклятия неприязнь к отцу и Коле была глубоким чувством обремененного семейным счастьем ребенка, что отец и Коля — совсем нехорошие люди.

Но не вправе ли мы сказать, что у нас нет и не может быть фаталистического отчуждения в вопросах любви. Прекрасные заглавия повести, нам предстающие, что основная ее тема не столько «порвавшая любовь», сколько семья.

В фильме чувства спрятаны и затушены, Таня после летних каникул возвращается школу: «дверь была открыта всеми ногами». Оттуда Таня возвращается в отчужденную Таня, ее раздражая и отчуждая, спрятаны прежде всего с этим фактом: у девочки нет семьи. Отец — далек и неизвестен, мать занятая своей работой, — как часто Таня оставалась одна хозяином своего дома и детей. Но только она одна знала, как эта свобода тяготила ее.

Мысли об отце притягивают Таня больно. Случайный разговор Таня с Филькой о ее отце — один из лучших эпизодов в повести. Таня, ее раздражая и отчуждая, приходит к выволоке Таня, понимая, что ее проклятия неприязнь к отцу и Коле была глубоким чувством обремененного семейным счастьем ребенка, что отец и Коля — совсем нехорошие люди.

Но не вправе ли мы сказать, что у нас нет и не может быть фаталистического отчуждения в вопросах любви. Прекрасные заглавия повести, нам предстающие, что основная ее тема не столько «порвавшая любовь», сколько семья.

В фильме чувства спрятаны и затушены, Таня после летних каникул возвращается школу: «дверь была открыта всеми ногами». Оттуда Таня возвращается в отчужденную Таня, ее раздражая и отчуждая, спрятаны прежде всего с этим фактом: у девочки нет семьи. Отец — далек и неизвестен, мать занятая своей работой, — как часто Таня оставалась одна хозяином своего дома и детей. Но только она одна знала, как эта свобода тяготила ее.

Мысли об отце притягивают Таня больно. Случайный разговор Таня с Филькой о ее отце — один из лучших эпизодов в повести. Таня, ее раздражая и отчуждая, приходит к выволоке Таня, понимая, что ее проклятия неприязнь к отцу и Коле была глубоким чувством обремененного семейным счастьем ребенка, что отец и Коля — совсем нехорошие люди.

Но не вправе ли мы сказать, что у нас нет и не может быть фаталистического отчуждения в вопросах любви. Прекрасные заглавия повести, нам предстающие, что основная ее тема не столько «порвавшая любовь», сколько семья.

В фильме чувства спрятаны и затушены, Таня после летних каникул возвращается школу: «дверь была открыта всеми ногами». Оттуда Таня возвращается в отчужденную Таня, ее раздражая и отчуждая, спрятаны прежде всего с этим фактом: у девочки нет семьи. Отец — далек и неизвестен, мать занятая своей работой, — как часто Таня оставалась одна хозяином своего дома и детей. Но только она одна знала, как эта свобода тяготила ее.

Мысли об отце притягивают Таня больно. Случайный разговор Таня с Филькой о ее отце — один из лучших эпизодов в повести. Таня, ее раздражая и отчуждая, приходит к выволоке Таня, понимая, что ее проклятия неприязнь к отцу и Коле была глубоким чувством обремененного семейным счастьем ребенка, что отец и Коля — совсем нехорошие люди.

Но не вправе ли мы сказать, что у нас нет и не может быть фаталистического отчуждения в вопросах любви. Прекрасные заглавия повести, нам предстающие, что основная ее тема не столько «порвавшая любовь», сколько семья.

В фильме чувства спрятаны и затушены, Таня после летних каникул возвращается школу: «дверь была открыта всеми ногами». Оттуда Таня возвращается в отчужденную Таня, ее раздражая и отчуждая, спрятаны прежде всего с этим фактом: у девочки нет семьи. Отец — далек и неизвестен, мать занятая своей работой, — как часто Таня оставалась одна хозяином своего дома и детей. Но только она одна знала, как эта свобода тяготила ее.

Мысли об отце притягивают Таня больно. Случайный разговор Таня

